

На этот раз Е Цзюньшу провалился в беспамятство надолго — у него начался сильный жар. Болезнь, словно копившаяся годами, пока он не позволял себе болеть, вспыхнула внезапно и яростно. К тому же это совпало с началом периода возрастной ломки голоса. В доме всё пошло кувырком.

Е Цзюньшу пребывал в тяжелом забытии и пришел в себя лишь тогда, когда сельские работы уже подходили к концу. Открыв глаза, он увидел изможденное и полное раскаяния лицо Сяо Шаня. Глаза мальчика были красными от бессонных ночей.

«Сяо Шань?» Цзычжоу хотел позвать его, но обнаружил, что не может издать ни звука — горло саднило и пересохло.

— Брат, ты наконец-то проснулся?! — Сяо Шань был вне себя от волнения. Он тут же бросился наливать воду и начал бережно поить брата. — Брат, ты не волнуйся. Лекарь Сун сказал, что если после пробуждения ты потеряешь голос — это нормально. Пройдет немного времени, и всё восстановится.

Е Цзюньшу с трудом кивнул. С помощью Сяо Шаня он полулежа примостился на кровати. Тело казалось чужим: ватным, бессильным и непослушным. Сознание всё еще работало медленно, он не сразу сообразил, сколько времени проспал на этот раз.

Сяо Шань уже вовсю хлопотал: он принес миску густой пшенной каши, еще теплой. Он осторожно начал кормить Е Цзюньшу с ложечки:

— Лекарь сказал, что как только ты очнешься, тебе нельзя ничего твердого. Каша — самое то.

Цзычжоу съел больше половины миски. По телу разлилось приятное тепло, и к нему постепенно начали возвращаться силы. Сяо Шань унес пустую посуду и вскоре вернулся с миской темного дымящегося лекарства.

Поставив его рядом, он сказал:

— Сначала пусть еда немного уляжется, а через некоторое время выпьешь отвар.

Было видно, что Сяо Шань строго следует всем указаниям лекаря Суна. Если бы Е Цзюньшу мог говорить, он бы непременно похвалил его. Немного придя в себя, Цзычжоу огляделся. Где же остальные дети?

Сяо Шань понял немой вопрос:

— Лу-гэр увел Цинь-гэра и остальных к Мин-аму, помогать по хозяйству.

В глазах Е Цзюньшу отразилось недоумение. Помогать? В чем?

— Сейчас вся деревня торопится собрать урожай. Брат, ты в горячке пролежал столько дней, что и не заметил. Думаю, через пару-тройку дней страда закончится. Лу-гэр и малыши помогают Мин-аму готовить еду, носят обеды в поле, кормят кур и уток.

Если бы лекарь Сун раз за разом не заверял их, что жизни Цзычжоу ничего не угрожает — просто его организм дошел до предела и так отреагировал на стресс и травмы, — братья ни на шаг не отошли бы от его постели. Но Мин-аму так много помогал их семье, что не откликнуться на помощь было бы черной неблагодарностью...

Е Цзюньшу кивнул, показывая, что всё понял. Сяо Шань посмотрел на мягкую улыбку в глазах брата, начал тереть край одежды и спустя долгое время запинаясь проговорил:

— Брат... прости меня...

Е Цзюньшу посмотрел на него, но видел лишь макушку склоненной головы.

— Я... в тот день... я не нарочно сказал те слова... прости... — Сяо Шань не выдержал и всхлипнул.

Когда он узнал, что брат рухнул без чувств прямо во дворе, его захлестнуло раскаяние. Если бы не его жестокие слова, возможно, Цзычжоу не потерял бы сознание от такого удара по сердцу.

Позже Лу-гэр заметил его состояние и после долгих расспросов Сяо Шань во всём признался. Лу-гэр в слезах отругал его, и только тогда Сяо Шань узнал правду: старший брат сделал всё это, чтобы Лу-гэра не забрали. Оказывается, те люди давно положили на него глаз, и болезнь Лу-гэра была лишь шансом заставить их отступить...

Сяо Шань ненавидел себя за то, что ничего не знал. Брат взвалил всё на свои плечи. Какое давление он испытывал? Мало того что его жестоко избили бандиты, так еще и родной брат не понял, обвинив в предательстве. Сяо Шань корил себя за то, что вечно прятался под крылом брата, принимая его защиту как должное, и так и не повзрослел, чтобы разделить с ним эту ношу. Ведь он тоже мужчина...

Сяо Шань погрузился в пучину самобичевания. Е Цзюньшу, не в силах ничего сказать, попытался пошевелиться, чтобы спуститься с кровати. Услышав движение, Сяо Шань вскинул голову и, увидев, что брат хочет встать, в испуге подбежал помочь:

— Брат, лекарь Сун сказал, что тебе нужен полный покой! Нельзя вставать!

При помощи Сяо Шаня Е Цзюньшу полулежа облокотился на стену. Он поднял руку и нежно потрепал Сяо Шаня по волосам, ободряюще улыбнувшись. Его младший брат действительно повзрослел.

Поэтому он сделал вид, будто и не подозревает о слезке, и разыграл этот спектакль.

Спектакль для тех, кто затаился в тени.

Он заставил их поверить, что он — тщеславный и жадный человек, готовый продать брата, и что он пытается скрыть внезапную болезнь Лу-гэра лишь из страха упустить выгоду. Такие надменные и уверенные в себе люди, как члены семьи Мин, не привыкли верить словам со стороны, но они безоговорочно верят тому, что видят их собственные доверенные люди.

Раз удалось обмануть «глаза» в тени — значит, план удался наполовину.

Когда лазутчики передали вести, управляющие семьи Мин и сам Второй господин Мин заранее настроились на определенный лад, им оставалось лишь подтвердить всё лично.

Е Цзюньшу догадывался, что они явятся для проверки, но не ожидал, что это произойдет так скоро. И хотя это застало его врасплох, к счастью, план сработал как надо.

Разумеется, вдвоем с Лу-гэром они бы не справились, поэтому он втянул в это дело Мин-аму —

единственного человека, которому полностью доверял. К счастью, Мин-аму не подкачал и отлично подыграл.

Мин-аму всё ворчал:

— Почему ты не позволил нам всей деревней прогнать их?! Тогда бы тебе не пришлось принимать эти побои. — Как только он вспоминал Е Цзюньшу, истекающего кровью, его сердце болезненно сжималось.

— Нельзя было идти на рожон — мы бы только пострадали зазря. Люди семьи Мин знатны и по натуре своей спесивы. Если бы мы, «деревенские лапти», которые в их глазах не дороже муравьев, посмели пойти против их воли, это лишь разъярило бы их и пробудило жажду расправы. К тому же сейчас сам господин судья на их стороне, справедливости нам было не добиться. Так что лучше было избежать открытого конфликта.

Судя по их прежним методам, люди семьи Мин ни во что не ставят жизни простых людей. Убить для них — пара пустяков. Их наглость и жестокость просто не знают границ. Даже если бы они отступили на время, испугавшись народного гнева, они бы обязательно вернулись и отомстили исподтишка, когда мы меньше всего этого ждали.

Если бы они нагрянули глухой ночью и вырезали всю деревню, выдав это за налет разбойников... как в тех сюжетах, что я видел раньше... я бы стал виновником гибели всех этих людей. Е Цзюньшу всегда предполагал худшее, когда дело касалось семьи Мин: такой человек, как Второй господин, вполне способен на подобное.

Поэтому лучшим выходом было показать слабость. Так жизни односельчан остались вне опасности, а побои, которые я принял, дали врагам выпустить пар. Теперь они не станут преследовать нашу семью. Худшим исходом была бы только моя смерть. Поэтому, как бы ни было больно, я подавлял в себе любое желание сопротивляться. Я твердил себе: «Нельзя отвечать, иначе всё пойдет прахом...»

Мин-аму задумался и вздохнул. Решение Цзычжоу действительно было самым мудрым, это был лучший из возможных исходов, вот только достался он дорогой ценой...

Он не стал больше беречь раны и сменил тему:

— Все в семье настрадались. Мы тут решили завтра съездить в уезд, купить мяса, чтобы все подкрепились и восстановили силы. Тебе сколько взять? Я привезу.

— Возьмите несколько цзиней сала, грудинки, свиных ножек и трубчатых костей для бульона. Постарайся купить побольше. Пока эта компания в городе, там небезопасно. Впредь будем стараться без нужды в уезд не соваться.

Е Цзюньшу говорил тихо — он опасался, что их деревенские уже примелькались тем людям, и при встрече добра ждать не придется.

— Я понял, — отозвался Мин-аму и поднялся. — Тогда я пойду. Отдыхай, не провожай меня.

Е Цзюньшу кивнул, но всё же встал и проводил Мин-аму взглядом до ворот.